

К 80-ЛЕТИЮ В. А. СВИТЕЛЬСКОГО

УДК 821.161.1-4(Свительский В. А.). DOI 10.26170/FK20-02-10.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,4. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

«МЫ С АНДРЕЕМ ПЛАТОНОВИЧЕМ НА ОДНОЙ ЗЕМЛЕ ВОЗНИКЛИ...»

Хрящева Н. П.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8434-7498>

А н н о т а ц и я . В статье рассмотрены научные проблемы, обоснованные в трудах известного ученого Воронежского государственного университета Владислава Анатольевича Свительского о творчестве А. Платонова. Работы ученого до и после отмены жестких ограничений цензуры наметили исходные ориентиры в изучении наследия писателя, порой не совсем точно трактуемые в современной науке. Актуальность исследования заключается в восстановлении полноценного диалога с трудами литературоведов, стоявших у истоков научного восприятия художественного мира писателя, в выявлении адекватного «прочтения» предложенных ими наблюдений. Методологическая основа работы определяется теоретическими взглядами Свительского, соотносимыми с природой дарования гениального воронежца. В центре внимания ученого принципы философско-поэтического обобщения в прозе Платонова; образ автора и способы выражения авторской позиции в условиях создания подцензурных произведений; жанровая природа «Чевенгура»; его родовая специфика, «участие» лирической доминанты в моделировании демократического сознания в романе как одного из главных открытий Платонова-художника. Ретроспективный угол зрения позволил акцентировать внимание на востребованности ряда идей Свительского в платоноведении нашего времени и одновременно осознать современные тенденции в освоении наследия писателя в их перспективе.

Выводы в статье основаны на тщательном изучении статей В. А. Свительского, работ исследователей, развивавших его идеи, а также его деятельности в качестве редактора и издателя. Он возглавлял «Филологические записки» Воронежского университета, основанные А. А. Хованским в 1860-м году. По его инициативе был создан «Платоновский вестник», информационно-справочный бюллетень, который отражал «новинки» зарубежных исследований о Платонове. Его стараниями существенно расширился круг ученых из разных стран (Х. Гюнтер, Германия; Т. Лангерак, Нидерланды; М. Любушкина-Кох, Франция и мн. др.), погруженных в серьезное исследование платоновских текстов. Размышления о судьбе научных идей и их упрочении в бытии находят отголосок в письмах Свительского. Их автор – настоящий Учитель, проницательный и терпеливый.

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. А. Свительский; платоноведение; методологические приемы; письма; ретроспективный взгляд.

“ANDREY PLATONOVICH AND ME – WE WERE BOTH BORN UNDER THE SAME SUN...”

Nina P. Khriashcheva

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8434-7498>

Abstract. The article attempts at analyzing the scientific problems included in the works of the famous scholar from Voronezh State University Vladislav Anatol'evich Svitel'skiy about the creative activity of A. Platonov. The scholar's studies before and after the abolition of strict censorship outlined the benchmarks in the investigation of the writer's legacy, which have not always been properly interpreted in modern science. The urgency of the paper consists in reestablishing a true dialogue with the works of the literary critics, who were among the first to describe the writer's artistic world, and in revealing adequate interpretations of their ideas. Methodologically, the article is based on the theoretical views of V. A. Svitel'skiy, stemming from the nature of the talent of the great scholar from Voronezh. The scholar focuses on the principles of philosophical-poetical generalization in the prose of Platonov, the image of the author and the means of expression of the author's position under the conditions of creation of censored works, the genre nature of "Chevengur", his gender specificity, "participation" of the lyrical dominant in the modeling of the democratic consciousness in the novel as one of the great achievements of Platonov's artistic talent. The retrospective approach made it possible to concentrate attention on the urgency of a number of Svitel'skiy's ideas in the contemporary Platonov studies and to simultaneously realize the modern tendencies in the study of the writer's legacy and their perspectives.

The conclusions of the article are based on the detailed study of the papers written by Svitel'skiy and the works of the scholars developing his ideas, as well as on his activity as editor and publisher. He was editor-in-chief of the "Philological Notes" of Voronezh University founded by A. A. Khovanskiy in 1860. He initiated the creation of the "Platonov Vestnik", an information bulletin, which reflected the "new findings" of foreign scholars about Platonov. Due to his continuous effort, the number of scholars from various countries engaged in serious studies of Platonov's texts grew considerably to include H. Günther (Germany), T. Langerak (Netherlands), M. Liubushkina-Koch (France), etc. The reflections about the fate of scientific ideas and their implementation in real life are mentioned in Svitel'skiy's letters. Their author is a real Teacher – a clever and a patient one.

Key words: V. A. Svitel'skiy; Platonov Studies; methodological techniques; letters; retrospective approach.

Для цитирования: Хрящева, Н. П. «Мы с Андреем Платоновичем на одной земле возникли...» / Н. П. Хрящева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 114–125. – DOI:10.26170/FK20-02-10.

For citation: Khriashcheva, N. P. (2020). "Andrey Platonovich and Me – We Were Both Born under the Same Sun...". In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 114–125. DOI:10.26170/FK20-02-10.

Для людей моего поколения первое знакомство с произведениями Андрея Платонова состоялось в студенческие годы за чертой «оттепели». Тогда же мною была прочитана статья Л. А. Шубина «Андрей Платонов» (Вопросы литературы, 1967, № 6). Запомнилось ощущение значительности явления, о котором писал автор. Будучи ассистентом кафедры русской литературы Стерлитамакского государственного педагогического института, радовалась приобретению двухтомника произведений А. Платонова с вступительной статьей Е. Краснощековой (М.: Худ. литература, 1978). Особенно впечатлили тогда детские рассказы А. Платонова. Много позже пришло понимание того, что Платонов языком детского сознания проявил этические нормы должного устройства мира на такой глубине, которая не перестает восхищать как все совершенное.

Публикация «Чевенгура» (Дружба народов, 1986) и «Котлована» (Новый мир, 1987) даже в контексте шедшей лавиной возвращенной литературы удивило неожиданностью «горизонтов» видения действительности и языком. Попытка высказаться о «Чевенгуре» не была «ни безоглядной, ни смелой». Она определилась научной аурой нашей кафедры, которой руководил талантливый ученый теоретической складки Валентин Айзикович Зарецкий, один из любимых учеников Ю. М. Лотмана¹.

К началу 1990-х годов пришло решение погрузиться в творчество Платонова. Узнала о готовящейся в Воронеже международной научной конференции. Отправила тезисы. И вот первое письмо Владислава Анатольевича Свительского, определившее мою судьбу в платоноведении. Цитирую его полностью.

¹ В Стерлитамакском государственном педагогическом институте В. А. Зарецкий собрал замечательную кафедру литературы, которой завидовали многие центральные вузы и на которой в разное время работали интересные ученые (Е. И. Маркова, И. В. Трофимов, Л. М. Маллер и др.), а мы, ассистенты и старшие преподаватели, серьезно учились.

Милая Нина Петровна!

Спасибо за присланные тезисы! Они интересны и нас по сути устраивают. Одно «но»: наша конференция требует соотнесения с зарубежьем в разных его ипостасях. Давайте несколько изменим название. Что если сделать его таким: «Жизнь сознания героев А. Платонова в „Чевенгуре“ в свете западного философского опыта»? Если согласны, пошлите телеграмму с одним словом: «Согласна». Если придет в голову более удачная формулировка, сообщите ее. А. Платонов читал Ф. Ницше, наверняка не миновал З. Фрейда... Все это не будет натяжкой. А у Вас в статье есть соотнесение с идеями западноевропейских мыслителей. Кстати, К. Юнга сейчас кое-что перевели, в частности – см. сб. Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. Двух цитат-ссылок в начале доклада будет достаточно, чтобы оправдать тему, а в остальном будете говорить свое главное...

Итак, жду ответ...

Поклон Валентину Айзиковичу

Всего доброго Вам!

12.1.92.

Сейчас, по прошествии без малого трех десятков лет, письмо не перестает удивлять высокой культурой – научной и этической: все знать о заявленной в названии конференции проблеме и ненавязчиво (милое словечко – «кстати»!) сообщить эти знания человеку, приславшему тезисы (не из Парижа!), а заодно откорректировать их. Профессиональная щедрость и тончайшая деликатность обнаруживают себя во всех письмах, как и неизменный поклон В. А. Зарецкому, высоко ценимому автором писем, и «поощрительное» приглашение моему сыну присылать свои заметки о творчестве Платонова.

Перед конференцией волновалась до такой степени, что «плечики» на «парадную» кофточку пришила «наоборот». И вот не уложилась во времени! Первый вопрос был задан Владиславом Петровичем Скобелевым: «А откуда Вам известен Юнг»? Заикаясь, ответила. Вторым был даже не вопрос, а страстное вы-

ступление Нины Михайловны Малыгиной, которую возмутило отсутствие в моем докладе ссылок на труды платоноведов¹. Еле сдерживая слезы. Но в этот момент получаю записку от В. А. Свительского.

Нина Петровна!

Не переживайте, что не уложились! Надо Вам и дальше работать.

1. Откуда Вы знаете, что А. П. читал Ницше? Это не я Вам написал?

2. Сербинов – это не Платонов. Это В. Шкловский, это – чужое сознание, другой человек, но по-платоновски лирически сближен с автором и читателем. Так не только я думаю.

По приезде домой написала письмо Свительскому о «несправедливости судьбы». Некоторое время спустя получила ответ, содержание которого повторяла (и повторяю в той или иной форме) своим ученикам, так как вижу в нем своеобразный «катехизис» серьезного подхода к научному труду и учительству. Вот его основные положения:

Думаю, что Вам Платоновым заниматься надо, – только углубившись в собственные проблемы, а не в связи с идеями, взятыми из вторых рук или воспринятыми понаслышке. Надо, по-видимому, установить более прямые отношения (или – напрямую!) с платоновскими текстами. Юнг, воспринятый через Авринцева, тут не поможет, а вот о трагическом мировосприятии писателя и трагедийности его произведений написано мало. Идите в поэтику, в мышление художника, что так прекрасно получается у Валентина Айзиковича.

«Мистерия» – это, мне кажется, от лукавого. Это понятие употребил в одной из ранних статей об А. Платонове В. Н. Турбин. Но жанр – архаичный, если быть точным в историко-литературном анализе, вряд ли само понятие подходит к тому, что делал создатель «Джан». За рубежом изданы прекрасные работы о писателе. Это прежде всего книга М. Геллера, статьи Е. Толстой (бывшей Сегал). Их надо разыскать – есть они отча-

¹ Сейчас я хорошо понимаю пафос Н. М. Малыгиной, с которой по сей день поддерживаю добрые отношения – научные и дружеские. Она будет моим официальным оппонентом на защите докторской диссертации.

сти в ИНИОН, возможно, в бывшей Ленинке и Иностранке...

Однако платоновские тексты – главное, и они перед Вами. В отличие от иностранцев (кстати, и Геллер, и Толстая – из нашей страны родом) у нас есть преимущество: мы с Андреем Платоновичем на одной земле возникли, в одном мире живем, хотя мир и стал меняться...

Конечно, надо знать и свою отечественную литературу, делать все возможные сноски – но важнее найти свою тропинку, так чтобы Вы знали: «это мое». Для этого надо знать и чужие пути, но осознать, что они чужие. Это сразу не приходит... После трудов праведных придет.

4.XII.92.

По межбиблиотечному абонементу выписала ксерокопию книги М. Геллера «Андрей Платонов в поисках счастья» (Париж: Ymca-Press, 1982). На первой странице стоял штамп: ВГБИЛ, коллекция Ymca-Press. Удивилась тому, как много уже осмыслено в творчестве Платонова. Затем легла на рабочий стол ксерокопия журнала «Здесь и теперь» (1993, №1). Содержание номера представляло собой публикацию монографии Н. В. Корниенко, где на основе тщательной текстологической работы была дана история создания основных произведений Платонова 1926–1946 гг. Третьей книгой была уже не ксерокопия, а сборник статей, посвященный творчеству Андрея Платонова¹. Первой прочла статью В. А. Свительского. Потом много раз возвращалась к ней, осознавая важность ее положений для платоноведения в целом. Эту работу читали «поверх барьеров», в России и в зарубежной славистике она востребована и сегодня.

На основе аналитически точного и одновременно заинтересованно живого прочтения немногочисленных тогда публикаций платоновских произведений ученый показал те основания, на которых строится художественный мир Платонова. Они определяются «тяготением» художника «к философски-поэтическому синтезу жизни с повышенной обобщенностью образа, с преобладанием об-

щей мысли над конкретным наблюдением и крупного масштаба над показом частного»² [Свительский 1998: 106]. Указав на генерализующий вектор, ученый тут же говорит о неоднородности прозы писателя в плане жанрово-родовых свойств, о различном выражении авторского присутствия в тексте, о необходимости видеть «пересечение и разницу функций формально одинаковых элементов... для выяснения определяющих явлений мышления художника» [Там же 1998: 107]. Такого рода наблюдения, по мнению исследователя, способствовали бы выявлению соотношения «конкретного и отвлеченного в мышлении художника», т. е. пролили бы свет на элементы и смысл его философских обобщений. Положение о «соприсутствии частного и общего», которое «имеет не только содержательное, но и формально-структурное значение», определяет важнейший «образотворческий» закон, воплотившийся в формуле: «думать о своей и всеобщей жизни» [Там же]. Такой подход к изучению творчества Платонова позволяет, в свою очередь, увидеть в Свительском продолжателя идей русского формализма, отчасти нашедшего концептуальное завершение в структуральной поэтике Ю. М. Лотмана. (Примечательно, что книга Лотмана «Структура художественного текста» вышла в том же 1970 году, что и Воронежский сборник статей, молодое поколение нашей кафедры называло ее «черным Лотманом», а «Анализ поэтического текста» (1972) именовался «серым Лотманом» – по цвету обложки).

Нашей кафедре была близка лотмановская методика прочтения текстов. Однако ее инструментарий не всегда подходил к платоновским произведениям. Помню «чистое мучительство» в попытке проанализировать ранние рассказы художника как некую систему. Утешение, что раннее творчество любого большого художника всегда трудно исследовать, не помогало. И вот читаю в статье Свительского комментарий, где отмеченный выше «закон» как вполне осознанный молодым Платоновым показан ученым на одной из ранних «утопий-фантазий» (определение В. А. Свительского). «Каждый отдельный мо-

¹ Творчество Андрея Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1970. 247 с.

² Цит. по Свительский В. А. Андрей Платонов Вчера и сегодня. Статьи о писателе. Воронеж: Полиграф, 1998. 156 с.

мент действия, времени действия, судьбы героя, параллелен и одновременен у писателя с жизнью человечества, ходом истории, состоянием природы в ее целом, соотносен с грандиозными пространствами страны и планеты, взят на фоне большого звездного времени» [Свительский 1998: 107]. Эврика! Этой «звездной» перспективой все внезапно собралось: в героях ранних рассказов увиделось «играющее» сознание юноши Платонова, устремленного к практической победе над Космосом.

Внимание к форме выражения авторского присутствия особенно впечатлило в финальной части статьи, где проанализирована повесть «Джан». Всем строем наблюдений над повестью ученый показал, что характер образотворчества определяется мыслью автора «о возможности человеческого счастья». [Свительский 1998: 113]. Эту тему Свительский называет «неотвязной», а «счастье» – «центральной этической категорией для зрелого Платонова». Она, по мнению ученого, связана в представлении художника с обликом самого простого человека. Платонов этой «органичной привязанностью к существу жизни обычного человека, нежеланием и неспособностью пренебречь этим существом... и выделяется среди писателей советского времени» [Там же]. Добавим: своим великим гуманизмом выделяется художник и ныне.

Возможность счастья реализуется главным героем повести Назаром Чагатаевым, миропонимание которого, по точному наблюдению исследователя, предельно сближено с авторским сознанием, где не противоречат друг другу «созерцание» и «преобразовательское действие». Подобный принцип конструирования образа главного героя во многом определяет перевод повествования в общепhilософскую тональность. В свою очередь, Свительский показывает, что автор находит возможность не слиться с героем, остраненно взглянуть на его демиургические порывы. Эта возможность реализована путем «участия» «старинной картины» в сюжетно-композиционной структуре «Джан». Превосходно проведенный автором статьи анализ этой картины показывает, что именно она концентрирует в себе философско-онтологический смысл повести: предупреждает о негативной результативности «разума, не удовлетворяющегося от-

пущенными ему пределами». Последующие интерпретации расширяют, уточняют, «словесно» разнообразят обозначенные В. А. Свительским семантико-поэтические координаты этой «живописи» в прозе.

Дар проницательного исследователя совмещался в Свительском с талантом редактора и издателя. Он был главредом блистательных «Филологических записок», издание которых было основано А. А. Хованским в 1860-м году. Особо впечатлил 13 выпуск «Записок», целиком посвященный 100-летию юбилею А. Платонова. Он начинался точно названным разделом «Андрей Платонов, знакомый и открываемый», где были собраны статьи русских (Е. А. Яблоков, В. А. Свительский, О. Ю. Алейников и др.) и зарубежных (Роберт Чандлер, Сусуму Нонака) ученых, не утратившие своей значимости по сей день. Второй раздел «Из минувшего» содержал любовно собранные воспоминания, переписку, письма, касающиеся имени знаменитого воронежца. Завершил выпуск интереснейший обзор исследований о творчестве писателя, а также сообщения о переводах его произведений на другие языки. Свительскому же принадлежит идея создания Платоновского вестника, информационно-справочного бюллетеня, который был призван отражать все самое важное в области изучения творчества писателя в нашей стране и за рубежом. Первый выпуск Вестника состоялся в конце 2000-го года. В редакционный совет вошли ученые разных стран: Г. Гюнтер (Германия), Т. Лангерак (Нидерланды), М. Любушкина-Кох (Франция), В. П. Скобелев (Россия) и др. По сути, Вестник способствовал открытию имени А. Платонова мировому сообществу ученых и читателей. Ныне это плодотворное начинание нашло продолжение в сборниках, выпускаемых Международным Платоновским семинаром под редакцией Е. А. Яблокова.

С благодарностью вспоминаю присланные мне в Стерлитамак книги – платоновские и о Платонове, изданные в Воронеже. Особо впечатлил составленный Свительским внушительный том произведений А. Платонова с характерным названием Че – Че – О (вышел в 1999 г., в изд-ве им. Е. А. Болховитинова). Редкая тщательность, с которой составлялась эта книга, проявила себя даже в «извинениях

за типографию!», самочинно устранившую непонятное название. Том начинался отточенной по стилю и мысли вступительной статьей составителя и публикацией редчайших тогда семейных фотографий: матери писателя – Марьи Васильевны – молодой красивой женщины; отца – Платона Фирсовича, братьев – Семена, Сергея и Димы Климентова, умершего в отрочестве. Здесь были помещены и фотографии семьи писателя: Платонов 1939 года; писатель с женой и сыном Платоном 1942 года; Платонов с женой и маленькой дочерью своей последней зимы.

Вторая встреча со Свительским-исследователем состоялась, когда обдумывала «Епифанские шлюзы». Просматривая все, что написано об этой повести, возвращаясь к материалам конференции 1992 года. Перечитываю статью Свительского «Английская тема в русской прозе: от Н. Лесова к Е. Замятину и А. Платонову». Что позволило литературоведу найти общее в, казалось бы, далековатых явлениях? Он отмечает, что вхождение англичан в русскую среду определялось многими факторами, один из которых – «биографический»: родственные связи у Лескова, учеба в Англии у Замятина, Платонов же, как известно, за границей не был. Но в центре «Епифанских шлюзов» – едва ли не первого произведения, отмеченного чертами совершенства, англичане-инженеры Вильям и Бертран Перри. Предшествующие прочтения «Епифанских шлюзов» замыкаются преимущественно на поисках их реальных прототипов. Но эти поиски, по справедливому мнению литературоведа, не объясняют художественной уникальности повести. Свительский выдвигает возможность иной перспективы в понимании логики художественного развития Платонова. Она связана с учетом специфики платоновского слова как лирико-философского по преимуществу. Именно лирический компонент родовой структуры повести¹ работает на сближение автора и героя. Превратностями английского инженера Бертрانا Пер-

ри, пытавшегося «споспешествовать» преобразованиям царя Петра и не преуспевшего в этом, автор повести во многом изъясняет свои невзгоды. Эта мысль прекрасно сформулирована ученым: «„Чужеземство“ центральной фигуры в повести – в какой-то степени ресурс чисто художественного отстранения. Это „чужеземство“ – метафора трагического одиночества личности энтузиаста в условиях косности и неприятия. Отнюдь не со стороны... относится писатель к мытарствам Бертрانا Перри на российской земле. Выжитый из Воронежа и Тамбова „смычкой гибельных обстоятельств“, обреченный вместе со своим народом на многотрудную жизнь в условиях сталинской системы, Платонов в „Епифанских шлюзах“ выразил и предсказал свою собственную судьбу» [Свительский 1992: 47].

Тем не менее, ряд писателей, освещающих английскую тему в русской прозе, строится Свительским отнюдь не на контрасте. Платонова роднит с Лесковым и Замятиным «открытость, многоголосие и диалог разнациональных характеров ... Приятие людского многообразия...» [Свительский 1992: 48], умение слышать и виртуозно воспроизводить его в слове.

Мысль Свительского о «чужеземстве» как метафоре стала отправной точкой в нашем анализе «Епифанских шлюзов». Этот материал ученый возьмет в юбилейный для Платонова выпуск «Филологических записок» (1999), но в оппонентском отзыве о докторской диссертации сделает замечание, касающееся толкования образа Бертрانا Перри. Приведу его полностью: «Н. П. Хрящева указывает в качестве чуть ли не платоновского идеала необходимость и самодостаточность для героя чисто домашнего решения всех проблем. Из гордости и сомнения поехал Бертран Перри в Россию помогать Петру в преобразовании дикой страны. Вот если бы он остался с Мери, все бы сложилось благополучно... Поэтому эпиграфом к разделу взяты слова Мери: „Ради дикой славы ты погубил мою любовь и мою

¹ В тех же материалах конференции была напечатана превосходная статья В. А. Зарецкого «Европеец среди россиян: коллизии повести А. Платонова „Епифанские шлюзы“, где впервые проанализирована ее родовая специфика» // Воронежский край и зарубежье: А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Мандельштам и другие в культуре XX века. Воронеж: МИПП «ЛОГОС», 1992. С. 16–20. Позднее родовой компонент платоновской прозы будет великолепно проанализирован ученицей Б. О. Кормана Е. А. Подшиваловой. См.: Подшивалова Е. А. Человек, явленный в слове. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2002. С. 295–381.

ждушую нежности молодость». У Платонова, конечно, все сложнее. Он сам принадлежит к эпохе социальной ломки и преобразований, он не против них, если они не идут вразрез с интересами народа, если цена их приемлема. Вспомним, что даже после неудач с публикацией „Чевенгура“ и „Котлована“ он пишет „Джан“, вспомним его сопряжение тем Петра и Евгения о Пушкине. Если бы мужчины ограничивались ролью хозяина-домоседа, мужа и отца, наверное, мир со времен древних греков дальше Геркулесовых столбов не расширился». Время открыло в этом справедливом замечании черты изящества и точности приведенных аргументов и что, может быть, еще более важно – «солидарность» ученого с автором «Епифанских шлязов» в отстаивании права мужчин заниматься решением мироустроительных проблем в исторически не всегда удачное время и достойно переносить катастрофы.

Вместе с отзывом я получила «карнавальную» открытку с припиской:

Милая Нина Петровна! Посмотрите на открытку, это Вы и Я в несколько мифологизированном обличье. Да, кинжал я занес, но непоправимое событие не совершится. Докладываю, вчера 25-го, несмотря на каторжную работу с 8 утра я отправил Вам Отзыв... Работа очень интересная, насыщенная, хотя и несколько сыrovатая и с противоречиями. Замечания есть, но это для того, чтобы Вы себя показали на защите. Большой привет Валентину Айзиковичу и Науму Лазаревичу. Ни пуха! Всего доброго. 26.III.99.

Со временем эта открытка стала для меня чем-то вроде символического абриса, огранившего «резонантное» пространство Свительского и его сподвижников – учителей и коллег (Б. О. Кормана, М. М. Бахтина, Л. А. Шубина, С. Г. Бочарова, В. П. Скобелева, О. Г. Ласунского)¹. Дружеские чувства питал В. А. Свительский к В. А. Зарецкому, теплые слова всегда адресовывал Н. Л. Лейдерману.

То, что труды Свительского далеко не прочитаны, что многое в них ждет своего часа,

я поняла лет шесть тому назад, когда, занимаясь со своим аспирантом поздней драматургией Платонова, внимательно перечитала статью «Тайная музыка свободы» («Ученик Лицея»)², написанную ученым в соавторстве с В. П. Скобелевым. Пьеса «Ученик Лицея» (1947–1948) – последнее завершенное произведение Платонова, нас с Константином Сергеевичем Когутом очень озадачила тем, что она практически не была освоена современным платоноведением. Сколько-нибудь внятного анализа этой пьесы попросту не было. Особенно стояла лишь эта статья. По первопутку она произвела впечатление текста не менее таинственного, чем сама пьеса. Но мне хорошо помнилось замечание Свительского о слове «тайнопись». Он не применял его к платоновским произведениям, более того, в упомянутом выше отзыве настаивал, что «для писателя (Платонова. – Н. Х.) главным является язык объективного искусства, а не „тайнопись“».

Думается, что ученый к проблеме «тайнописи» не считал возможным отнестись иначе, чем сам писатель. Это отношение «прописано» Платоновым-критиком в статье «Пушкин – наш товарищ» (1937). Сравнивая героев двух пушкинских поэм, Платонов «разгадывает» подход поэта: «Пушкин решил истинные темы „Медного всадника“ и „Тазита“ не логическим, сюжетным способом, а способом „второго смысла“, где решение достигается не действием персонажей поэм, а всей музыкой, организацией произведения – добавочной силой, создающей в читателе еще и образ автора, как главного героя сочинения. Другого способа для таких вещей не существует» [Платонов 2011: 78].

Внимательное чтение статьи ученых убеждает, что в разгадке сложнейшей пьесы-завещания они шли платоновской «тропой». В центре их внимания оказывается образ автора пьесы, который пытается разгадать Пушкина – тайну «его возникновения и... его бытия»³ [Свительский, Скобелев 1998: 90]. Исследователи показывают, что Платонов не выхо-

¹ По свидетельству О. Ю. Алейникова, Свительский долгие годы поддерживал дружеские отношения с С. Г. Бочаровым. Вместе они посещали М. М. Бахтина.

² В журнальном варианте статья называлась иначе: Свительский В., Скобелев В. Радостное состояние поэзии // Подъем. 1976. № 2. С. 140–144.

³ Цит. по: Свительский В. А. Андрей Платонов Вчера и сегодня. Статьи о писателе. Воронеж: Полиграф, 1998. 156 с.

дит за рамки хрестоматийных фактов, а лишь особым образом их освещает, реализуя свое понимание гениального поэта. Реконструируя платоновское видение Пушкина, авторы статьи останавливаются на движении трех проблемно-тематических линий: «судьба и назначение поэта в России», «народный гений в условиях его осуществления в родных пределах» и «поэтическая философия творчества» [Там же]. Учитывая поэтику философских обобщений Платонова, которому важно уловить суть «закон явления», авторы статьи показывают характер обращения драматурга с фактами пушкинского времени. Так, среди публики во время знаменитого лицейского экзамена у Платонова появляются невозможные в пушкинской реальности «барские люди»: Арина Родионовна, дворовые девушки Маша и Даша, Музыкант, тоже находящийся в крепостном состоянии. А Чаадаев вмешивается в ход экзамена, подсказывая Пушкину, что читать из стихов [Там же: 91]. Таким образом, под пером ученых рельефно обнажается платоновская идея о назначении искусства. Оно есть «средство воплощения желаемого, осуществления мечты», «одухотворения мира». Этой идее подчинена образная «драматургия» пьесы: «наращивание поэтически обобщенного, часто символического смысла над хрестоматийным фактом» [Там же].

Анализ функционального смысла этого «наращивания» позволил также авторам статьи проявить жанровую специфику «Ученика Лицея». Ее составляют образы жанровых миров – сказки, притчи, утопии, взаимодополняющих друг друга в моделировании пушкинско-платоновской художественной вселенной. Черты притчи обнаруживают себя в строении, прорисованы учеными в параболических линиях хронотопа: «Первая картина по месту действия происходит в людской, и завершается действие там же». Поэт отправляется «в бескрайнюю Россию – через людскую же» [Свительский, Скобелев 1998: 92]. В синтезе с притчей оказываются жанровые возможности сказки: «герой отправляется

в изгнание, не зная куда, надеясь на помощь одних добрых людей» [Там же: 91]. В свою очередь пьеса пронизана «задушевым, неказенным» единением Пушкина с окружающими его людьми, что, по мнению Свительского и Скобелева, определяется верой Платонова «в народную способность бесконечного жизненного развития» [Там же: 95], в «опыт счастья», который должна содержать в себе народная жизнь. Поэтому изображение преодоленного отчуждения между героями «приобретает черты поэтической утопии» [Там же: 96]. Все три жанровых образа способствуют также «переодеванию» пушкинских персонажей в платоновских героев – искателей истины: странников, чудаков-философов, Иванушек-дурачков.

В недостаточной степени «прочитан» современным литературоведением и анализ психологического портрета молодого Пушкина, данный авторами статьи. Ученые отмечают черты разных возрастов в юном лицейсте, видя в этом «залог будущей универсальности поэта-гения» [Свительский, Скобелев 1998: 94]. В их анализе много умолчаний, пауз, указывающих на невозможность прямого говорения. Красноречивым же вновь оказывается «способ второго смысла». В этой связи важным замечанием в понимании платоновского конструирования образа главного героя пьесы становится выделение авторами ключевого слова – «мучиться». Оно не очень подходило к характеристике реальности первой ссылки Пушкина, отправленного под надежное покровительство генерала Инзова¹. Пушкинистов очень удивил бы и образ старухи Феклы, нового персонажа в окружении поэта. Она избрала своим домом могилу забитого на царской службе шпицрутенами сына – Евсея Борисевкина. Думается, что упоминание образа матери казненного сына для авторов статьи было принципиальным. Оно – знак трагедии, постигшей семью Платоновых: сын Платон был сослан 15-ти летним школьником в Норильский ГУЛАГ и вскоре по возвращении умер². Образ Феклы, поющей

¹ Ю. М. Лотман отмечает: «Формально Пушкин не был сослан: отъезду был придан характер служебного перевода. Однако начальник Пушкина (Пушкин служил по министерству иностранных дел), либеральный министр граф И. А. Каподистрия по требованию императора изложил Инзову в письме все „вины“ молодого поэта» // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 2011. С. 56.

² Авторы статьи, по свидетельству Н. М. Митраковой, в 1976 году знали об этой трагедии.

колыбельные казненному сыну, расширяет пушкинское время до границ «страшной» платоновской современности. Выход в свет обширного тома платоновских Писем: «...я прожил жизнь» (2013) в полной мере позволяет понять смысл выделения Свительским и Скобелевым ключевого слова «мучиться» и фрагмента с матерью Евсея Борисевкина. В ряду казенных сыновей оказывается еще один «ученик» – юный Пушкин, о чем свидетельствует похоронное причитание Арины Родионовны в финале пьесы. «Платоновым используется исполнение похоронного плача-причети, немислимого „вне похорон“ [Лихачев 1979: 243] с тем, чтобы оплакать безвременно умершего сына и всех „казненных“ сыновей» [Когут, Хрящева 2018: 189].

Глубиной толкования, редкой проницательностью в понимании образа автора, его позиции не перестает удивлять работа В. А. Свительского о «Чевенгуре». Думается, что здесь можно говорить о конгениальности ученого и творца. «Чевенгур» впервые в России увидит свет в 1986 году (ж. Дружба народов). А в 1989 году роман выйдет в Воронеже, предисловие к книге напишет В. А. Свительский¹. И тот из исследователей, кто рискует прикоснуться к «обжигающим» страницам «Чевенгура», не сможет уже обойтись без этой работы. Вступительная статья оставляет впечатление потрясения, испытанного не просто исследователем, а человеком близкого мироотношения: «Мы с Андреем Платоновичем на одной земле возникли...»

В читательское сознание роман вводится без излишнего академизма, что и предполагает жанр вступительной статьи, но основательно, с учетом многих «корневых» связей, как литературных, так и исторических. Отмечаются те формально-содержательные элементы, которые указывают на традицию – европейскую («Дон-Кихот» М. Сервантеса) и русскую. Модный ныне «номадизм» – красивое слово... но автор начинает свое прочтение романа с русского эквивалента этого

слова – «странничества», а также образов бескрайней степи, простора, дороги, путников на ней, которые традиционно ассоциируются в русской классике «с исканиями истины, добра, справедливости...» [Свительский 1998: 46]².

Будучи учеником и сподвижником Б. О. Кормана, В. А. Свительский «ненавязчиво», но последовательно вглядывается в текст романа с позиций «авторской оценки». Эта точка отсчета позволяет ему увидеть в «Чевенгуре» черты автобиографического романа: «Александр Дванов – это „часть“ автора...» [Свительский 1998: 47], наблюдение, которое вскоре станет в платоноведении чем-то вроде аксиомы. В ходе анализа обнаружится, что роман воспитания является лишь одним из многочисленных образов жанровых миров (и поныне не проявленных исследователями творчества Платонова в полной мере), «насеменяющих» «Чевенгур», которые объединены «трагическим мироощущением Платонова». Писатель, по мысли автора статьи, воспринимал «сущее и происходящее через ощущение жизни как опасности, как тревоги и катастрофы» [Там же: 50]. Подтверждение этому Свительский находит в выборе писателем редкого по реальному драматизму конкретно-исторического промежутка: гражданская война и восстановление страны в период НЭПа, – выразительно названного «перепадом эпох». Суть этого «перепада» мастерски показана ученым на анализе сюжета как «динамического среза» [Тынянов 1977: 317]³. Переход к НЭПу увиден окрашенным элегическим звучанием, что проявляет не только прощание с конкретным временем Революции. Тоскливое настроение вызвано целым рядом причин, не вполне освоенных в качестве таковых современной Платонову прозой. Они «озвучены» в романе голосами, делами, судьбами реальных участников событий. Анализ ученым этого сложнейшего «хора» проявил новую качественность художественного мышления Платонова как комплексного, явившего себя

¹ Свительский В. А. Испытание историей // Предисловие к книге: А. Платонов. Чевенгур. Воронеж, 1989.

² Вступительную статью к воронежскому изданию «Чевенгура» цитирую по: Свительский В. А. Испытание историей // Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе. Воронеж: Полиграф, 1998.

³ «Фабула – это статическая цепь отношений, связей вещей, отвлеченная от словесной динамики произведения. Сюжет – это те же связи и отношения в словесной динамике». – Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.

в теоретических дефинициях только в работах 2010-х гг.¹

По сути Свительский впервые показал запечатленный автором «Чевенгура» механизм исторического «реверса». Вместо живых общественных действий, «устраняющих отчуждение государства от человека, поощряющих народовластие...», возобладал «вождизм», «бюрократический централизм», «неуважение к конкретному, „частному“ человеку» [Свительский 1998: 53–54]. Понимание исторических превращений позволило исследователю объяснить не только трагический финал чевенгурской коммуны, но и судьбу романа. Его публикация «была приостановлена теми же силами, что расправились с Чевенгуром» [Там же: 54].

Анализ изображенного писателем «перепада эпох» позволил автору вступительной статьи увидеть самое важное: революция в романе сделала свое дело – разбудила демократическое сознание к осмысленному существованию. По Свительскому, этот процесс пробуждения проявлен в романе грандиозным диалогом, который отражает со-думанье народа, обсуждение им идей «всеобщего коренного улучшения». Ученый увидел в Платонове «собирателя, аналитика, поэта...» [Свительский 1998: 55] этого великого народного «хора». Более того, он почувствовал глубокую симпатию художника к осуществителям «доделанного коммунизма»: «дуракам», «чудакам», «самодельным людям» вплоть до восхищения их самостоятельностью в истории. Платоновское отношение к чевенгурцам разделяет и автор вступительной статьи: «Да, утопическое мышление спорит с самой историей, не хочет признавать объективных закономерностей развития... Но какой напор духа, какая жажда в осуществлении мечты!» (62).

К сожалению, в современной науке вольно или невольно «размываются» опорные смыс-

лы «Чевенгура». К примеру, Д. Н. Замятин цитирует фрагмент торжественного заседания ревкома: «Весь чевенгурский ревком как бы приостановился – чевенгурцы часто не знали, что им думать дальше...», – и отмечает, что «подобного рода психологическое состояние... внешне похоже на углубляющуюся деменцию» [Замятин 2018: 34]. Думается, что прав Свительский, Платонов все же писал о чевенгурцах «с другими чувствами».

Редукции подвергается и жанровое ядро «Чевенгура»², когда, по сути, искажается платоновское понимание чевенгурского коммунизма как прежде всего утопии «дружества». Ее смысл «в... нравственном содержании, в связи и тепле товарищества, в чувстве солидарности с сиротами» [Свительский 1998: 62–63]. Заслуга Свительского в том, что он впервые внятно обозначил особый путь Платонова в литературе. Суть этого пути «в испытании утопии историей и одновременно... проверке изображаемой эпохи утопией осуществленного идеала» [Там же: 58]. А вдруг получится... «Ведь шел в степной коммуне естественный процесс адаптации к реальности...» [Там же: 63]. Это испытание автор статьи посчитал важным писательским экспериментом, исключая любые проявления фантазии³. Спустя почти четверть века один из учеников и последователей Свительского, опираясь на огромную поисковую работу и соотнося исторические реалии с наблюдением над страницами романа, напишет о необходимости с «большим доверием относиться к роману», поскольку «текст „Чевенгура“ достоверен» [Алейников 2013: 133]. Побеждает в конечном счете обжигающая объективность романа, распространяющаяся на социальные и на онтологические законы.

Завершить размышления о работах В. А. Свительского, наметившего точные ориентиры для восприятия творчества А. П. Пла-

¹ И. И. Плехановой предпринята попытка описать образ мышления Платонова конца 1920-х гг. как художественное воплощение принципа неопределенности. В прозе Платонова это выглядит как критическое рассмотрение противоречий текущей истории и признание содержательности абсурда. Художественное решение состоит в исследовании духовной энергии наива...» // Плеханова И. И. Неопределенность у А. Платонова: в осознании героев и автора // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции: сб. научных трудов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. С. 42.

² В жанровом ядре «Чевенгура» выявляли преимущественно антиутопические интенции. См.: Лазаренко О. Письменное слово и история в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие». 2000. 960 с.

³ Не случайно ведь утопический жанр, основанный на фантастическом допуске (А. Богданов «Красная Звезда», А. Чаянов «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» и др.), становится знаком эпохи.

тонова, хочу словами из письма, которое получила в мае 1999 года. После защиты диссертации я отправила в Воронеж маленькую статуэтку Дон-Кихота Ламанчского, хрупкого каслинского литья. Ответ был шутильным и символическим:

Милая Нина Петровна!

Как Вам удалось угадать затаенную мечту мужчины-филолога иметь на своем письменном столе фигурку Дон-Кихота?!

Радость автора глубоких, совершенных статей о Платонове, одухотворившем «степных рыцарей революции», была для меня очень приятна. И только спустя годы я поняла, что автор письма – духовный родственник бессмертного героя Сервантеса. Он так же не боялся идти «с открытым забралом» против всего, что мешало развитию филологической науки, поискам смысла «отдельного и общего существования».

Литература

Алейников, О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур»: монография / О. Ю. Алейников. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. – 222 с.

Замятин, Д. Н. Сумерки урбанизма: пространственные онтологии и воображение в романе «Чевенгур» / Д. Н. Замятин // На самой черте горизонта: платоновские пространства. Поэтика Андрея Платонова: сборник 4 / ред. Е. А. Яблоков. – М. : ПОЛИМЕДИА, 2019. – 176 с.

Когут, К. С. Поэтика драматургии А.П. Платонова конца 1930-х – начала 1950-х гг.: межтекстовый диалог / К. С. Когут, Н. П. Хрящева. – СПб. : Нестор-История, 2018. – 280 с.

Лазаренко, О. Письменное слово и история в романе «Чевенгур» / О. Лазаренко // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. – 960 с.

Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 3-е изд. – М. : Наука, 1979. – 254 с.

Платонов, А. П. Пушкин – наш товарищ / А. П. Платонов // Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. – М. : Время, 2011. – 720 с.

Свительский, В. А. Английская тема в русской прозе: от Н. Лескова к Е. Замятину и А. Платонову / В. А. Свительский // Воронежский край и зарубежье: А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Мандельштам и другие в культуре XX века. – Воронеж : МИПП «ЛОГОС», 1992. – 123 с.

Свительский, В. А. Испытание историей / В. А. Свительский // Предисловие к книге: А. Платонов. Чевенгур. – Воронеж, 1989. – 578 с.

Свительский, В. А. Испытание историей / В. А. Свительский // Андрей Платонов Вчера и сегодня. Статьи о писателе. – Воронеж : Полиграф, 1998. – 156 с.

Свительский, В. Радостное состояние поэзии / В. Свительский, В. Скобелев // Подъем. – 1976. – № 2. – С. 140–144.

Творчество Андрея Платонова. Статьи и сообщения. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1970. – 247 с.

Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 574 с.

References

Aleinikov, O. Yu. (2013). Andrei Platonov i ego roman «Chevengur» [Andrey Platonov and his novel «Chevengur»]. Voronezh, NAUKA-YUNIPRESS. 222 p.

Kogut, K. S., Khriashcheva, N. P. (2018). *Poetika dramaturgii A. P. Platonova kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh gg.: mezhtekstovyy dialog* [Poetics of A. P. Platonov's dramaturgy late 1930s – early 1950s: intertext dialogue]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 280 p.

Lazarenko, O. (2000). *Pis'mennoe slovo i istoriya v romane «Chevengur»* [Written word and history in *Chevengur*]. In «Strana filosofov» Andrey Platonov: Problemy tvorchestva. Vyp. 4. Yubileinyi. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. 960 p.

Likhachev, D. S. (1979). *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. 3rd edition. Moscow, Nauka. 254 p.

Platonov, A. P. (2011). Pushkin – nash tovarishch [Pushkin is our friend]. In Platonov, A. P. *Fabrika literatury: Literaturnaya kritika, publitsistika*. Moscow, Vremya. 720 p.

Svitel'skiy, V. A. (1989). Ispytanie istoriei [Test of history]. In *Predislovie k knige: A. Platonov. Chevengur*. Voronezh. 578 p.

Svitel'skiy, V. A. (1992). Angliiskaya tema v russkoi proze: ot N. Leskova k E. Zamyatinu i A. Platonovu [The English theme in Russian prose: from N. Leskov to E. Zamyatin and A. Platonov]. In *Voronezhskii kraj i zarubezh'e: A. Platonov, I. Bunin, E. Zamyatin, O. Mandel'shtam i drugie v kul'ture XX veka*. Voronezh, MIPP «LOGOS». 123 p.

Svitel'skiy, V. A. (1998). Ispytanie istoriei [Test of history]. In *Andrei Platonov Vchera i segodnya. Stat'i o pisatele*. Voronezh, Poligraf. 156 p.

Svitel'skiy, V., Skobelev, V. (1976). Radostnoe sostoyanie poezii [The joyful state of poetry]. In *Pod'em*. No. 2, pp. 140–144.

Tvorchestvo Andrey Platonov. Stat'i i soobshcheniya [Creativity Andrey Platonov. Articles and posts]. (1970). Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta. 247 p.

Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow, Nauka. 574 p.

Zamyatin, D. N. (2019). Sumerki urbanizma: prostranstvennye ontologii i voobrazhenie v romane «Chevengur» [The twilight of urbanism: spatial ontologies and imagination in *Chevengur*]. In Yablokov, E. A. (Ed.). *Na samoi cherte gorizonta: platonovskie prostranstva. Poetika Andrey Platonova: sbornik 4*. Moscow, POLIMEDIA. 176 p.

Сведения об авторе

Хрящева Нина Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ninaus.fk@yandex.ru.

Author's information

Khriashcheva Nina Petrovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).